

**Третий муниципальный конкурс проектов
в рамках учебных курсов ОРКСЭ и ОДНКНР**

номинация «Я помню, я горжусь»

Тема:

«История моей семьи в истории моей Родины»

**Работу выполнил ученик 3 «б» класса
Клапоусов Роман
МБОУ «Лицей «ДЕРЖАВА»**

**Руководитель Куликова Татьяна Ефимовна,
учитель начальных классов**

Клапоусов Михаил Иванович

20 сентября 1923 года рождения.

Семья моего предка проживала на Украине, где-то в Запорожье, так как отец, Михаил Иванович, говорил, что «мы из запорожских казаков».

Во время голода на Украине в 30-х годах XX века, родители Михаила, поняв, что двоих детей им не прокормить, чтоб спасти хотя бы одного ребенка, оставили себе младшую сестру, а старшего, Мишу, сдали в приют.

Михаил бежал из приюта, беспризорничал. Дважды попадал в колонии для малолетних преступников, оба раза бежал. Впоследствии его любимым фильмом был «Путевка в жизнь», знаменитая кинокартина про беспризорников.

Последний раз Михаил попал в облаву, когда купался с друзьями в Москве реке вблизи только что построенного Крымского моста. В приемнике – распределителе с ним беседовал старый чекист, который «начинал еще с Дзержинским» - так говорил сам Михаил. Чекист задал ему вопрос: «Что не нравится в колонии?» «Не нравится» - с гонором ответил Миша. «Ну что же попробуем определить тебя в другое место» - сказал мужчина. Так бывший беспризорник стал воспитанником Московского военного музыкального училища. Его специализация была флейта и кларнет. В составе отряда юных фанфаристов и барабанщиков он принимал участие в нескольких предвоенных парадах на Красной Площади.

В июне 1941 года Михаил отправляется на стажировку в военный оркестр Сумского военного артиллерийского училища, где его и застает начало войны. Тогда многие считали, что война продлится недели две. Вскоре ситуация на фронте вынудило командование бросить в бой и курсантов училища. Музыканты в 1941 году были не востребованы, поэтому Михаил становится санитаром, а впоследствии подносчиком снарядов у 45 миллиметрового противотанкового орудия. Вскоре соединение, в которое входили курсанты-артиллеристы, попал в окружение, в одном из боев Михаила ранило в обе ноги осколками разорвавшегося снаряда. После войны он вспоминал, что ему повезло, так как он выходил из окружения с курсантами, наиболее дружными, сплоченными и лучше других обученными солдатами. Перед прорывом ему и другим лежащим раненым приказали уничтожить свои документы, так как была вероятность, что в случае неудачи раненых придется бросить. К счастью все обошлось удачно. Так как бойцы вышли организованной группой, все друг друга знали, раненым, без проволочек, были выписаны новые документы, вот тогда-то писарь и сделал ошибку в документах Михаила, он стал Клапоусовым, до этого фамилия была другая, по не уточненной информации Клапоусь или, что-то похожее. После выхода из окружения раненые были отправлены в тыловой госпиталь.

В конце 1941 – начале 1942 года в Красной Армии ощущалась острая нехватка офицерского состава. Михаил Иванович и его товарищи были почти офицерами, просто не успели получить звания, поэтому по мере выздоровления их направляли доучиваться в военные училища. Желая не отстать от товарищей, Михаил, еще передвигаясь при помощи костылей, начал посещать автобронетанковое офицерское военное училище, которое и окончил летом 1942 года, получив звание, младший техник лейтенант. По распределению он попал воевать на Воронежский фронт. Но воевал не долго, во время одной из бомбежек он был контужен и засыпан землей, его с трудом откопали подчиненные.

Снова госпиталь. Два месяца после контузии Михаил Иванович не говорил, но постепенно речь вернулась к нему. Весной 1943 года он снова отправляется на фронт, командиром автороты в один из полков гвардейских реактивных минометов входивших в состав Степного фронта. Авторота, укомплектованная американскими грузовиками фирмы «Студебекер», отвечала за доставку топлива и снарядов для гвардейских минометов «Катюша», но так как минометный полк входил в состав танковой армии, поэтому авторота неоднократно доставляла топливо и боеприпасы танкистам. Во время следования в расположение своей новой части бывший беспризорник вскрыл сопроводительный пакет с документами и уничтожил все документы, связанные с контузией. «Не хотел, чтобы дразнили «контуженный»».

Михаил Иванович вспоминал случай произошедший с ним перед началом боев на Курской дуге. Он и еще несколько бойцов прибыли на железнодорожную станцию, чтобы встретить эшелон с техникой, но вместо автомобилей прибыл эшелон с танками, а танкисты не прибыли для разгрузки эшелона. Пунктуальные фашисты совершали авианалеты по расписанию, и вражеские самолеты ожидалось с минуты на минуту. В этот момент на станцию приехал командующий армией генерал-лейтенант Ротмистров. Была огромная вероятность, что целый эшелон новеньких танков будет уничтожен, а это сотни – тысячи потерянных жизней советских солдат в предстоящих жестоких боях. Ротмистров подозвал Михаила, как старшего группы, и спросил, есть ли среди его бойцов люди умеющие управлять танком. Михаил сам, окончив автобронетанковое училище, умел управлять боевой машиной, кроме этого среди его солдат нашлось еще четыре бойца умевших водить танк. В невероятном темпе, задыхаясь от жары, они разгрузили танки и отогнали их в прилегающий к станции перелесок, остальные бойцы маскировали машины. Лишь только последний танк скрылся в лесу, прилетели вражеские бомбардировщики. Там же, в этом лесу, Ротмистров приказал представить всех пятерых к орденам.

Во время тяжелейших боев под Курском Михаил, вместе со своими подчиненными, под бомбежками, артиллерийскими и минометными обстрелами, постоянно рискуя налететь на прорвавшиеся вражеские танки, доставлял боеприпасы и топливо «Катюшам» и танкам. В один из дней он получил приказ доставить боеприпасы для гвардейских минометов, но

маршрут пролегал по болотистой местности. Тяжелые, да еще полностью груженные «Студебекеры» должны были застрять на этой дороге, о чем младший лейтенант Клапоусов и доложил вышестоящему начальнику. В ответ ему было указано не обсуждать приказ. Он пытался еще раз обжаловать этот преступный приказ, но ему пригрозили расстрелом, если он еще раз попробует возражать. Чуда не произошло. Машины застряли на болотистой, размытой дождем дороге, но благодаря невероятным усилиям личного состава подразделения, а так же благодаря тому, что все «Студебекеры» были снабжены передними лебедками, снаряды были доставлены на батареи, но с опозданием. Опоздание было не большое, не многим больше пяти минут, но на Курской дуге за такой проступок расстреливали. Михаила арестовали и отдали под суд военного трибунала. К счастью младшего лейтенанта солдаты его роты слышали, как их молодой командир пререкался с вышестоящим командиром по поводу маршрута движения. Они дали показания сотрудникам контрразведки и Михаила освободили из-под стражи с восстановлением в прежней должности. Всего одну ночь провел девятнадцатилетний офицер под стражей, но за эту ночь он поседел: «Одно дело погибнуть под вражескими бомбами и снарядами и совсем другое ждать, когда тебя свои же расстреляют» - вспоминал он впоследствии.

Войска Степного фронта, а вместе с ними и Михаил, продолжали громить фашистские полчища. Он принял участие в освобождении Белгорода, Харькова, осенью 1943 года вместе со своими солдатами форсировал Днепр, участвовал в освобождении правобережной Украины. Война страшная вещь, гибли люди, часто ему приходилось оставлять свой автобат и принимать под командование батареи гвардейских минометов.

Не один раз смерть проходила рядом, только счастливая, а иногда глупая, слепая случайность отводила костлявую в сторону. Об одном таком случае Михаил Иванович иногда вспоминал.

В тот день боевая работа была закончена. Личный состав батареи получил приказ отдыхать. Был съеден ужин, Михаил, хлебнувший лиха беспризорником, говорил, что на фронте хорошо кормили в отличие от госпиталя или, когда часть находилась в резерве, тогда-то голодно было. Выпита наркомовская норма, скручена и прикурена знатная самокрутка. Михаилу положены были папиросы в офицерском пайке, но курить папироски и «жрать в одну харю офицерский паек это не по-пацански», поэтому паек и папироски «уничтожался» сообща всем подразделением. Это была вообще норма среди большинства советских офицеров, особенно младшего офицерского состава, делить все со своими солдатами. Миша и его товарищ лежали на нарах и пускали махорочный дым под накаты блиндажа, в этот момент на расположение части налетели вражеские «Юнкерсы». По инструкции надо было покинуть блиндаж, ведь даже не при прямом попадании, а просто от рядом разорвавшейся бомбы могло завалить землей и бревнами и не вариант, что тебя потом откопают живым, если вообще откопают. В этом случае окоп, а попросту говоря так называемая «щель», безопасней в несколько раз, ведь только прямое попадание могло

уничтожить личный состав, находящийся в этом укрытии, но было лень бежать куда-то, прятаться, к тому же на улице пришлось бы тушить только, что прикуренные «цигарки», горящая самокрутка могла, в сгущающихся сумерках, демаскировать позиции батареи. Молодость безрассудна, и решив, что «семи смертям не бывать, а одной не миновать» друзья остались в блиндаже. Вскоре бомбежка закончилась, самокрутки были докурены, а расчет установки почему-то не возвращался. Михаил, как командир поднялся на улицу, что бы узнать, в чем дело. На том месте, где был окоп, в котором прятались бойцы, зияла огромная воронка, а окружившие ее бойцы, смотрели на своего командира, как на приведение. Людей, что находились в «щели», разорвало на части, так что узнать, кто был в этом окопе - было просто не возможно. Все считали, что и лейтенант погиб вместе со всеми.

Были и более страшные, ужасные, по своей нелепости случаи.

В одном из освобожденных городов бойцы Михаила Ивановича обнаружили спиртзавод. Быстро были наполнены спиртом все емкости. Но «иголку в мешке не утаишь». О том, что бойцы Михаила нашли где-то спиртное, узнали на соседней батарее. Пришлось рассказать боевым товарищам, где они взяли алкоголь. По нелепой случайности, бойцы второй батареи наполняли фляжки в другой емкости, а там находился «древесный» спирт, страшнейший яд. Все кто это выпил – погиб. Вот так без боя погиб личный состав целой батареи.

Во время наступления строго выдерживается временной график, именно благодаря этому подразделения различных родов войск взаимодействуют друг с другом. Строго по времени взлетают с аэродромов самолеты на бомбежку вражеских позиций, по времени занимают районы сосредоточения танки, в эти районы к назначенным срокам стягивается пехота и спешат машины с боеприпасами и топливом, по времени разворачивается артиллерия и строго в означенное время открывает огонь по заданным целям. Батарея Михаила в очередной раз развернулась для нанесения артудара. В одном из населенных пунктов, по данным разведки, находился опорный пункт немцев. К тому времени на окраине этого села должен был сосредоточиться стрелковый батальон. Строго в назначенное время батарея нанесла удар по позициям фашистов. Залп «Катюш» это страшно. Ни Михаил, ни кто либо другой не знал, что где-то за полчаса до этого фашисты бросили свои позиции и наши пехотинцы беспрепятственно вошли в село, командир этого подразделения то ли не успел, то ли забыл доложить об этом по команде. Как результат – почти весь батальон погиб. Михаила ни кто ни в чем не винил, да и он сам не считал себя в чем-то виноватым, он действовал, как и сотни раз до этого и после строго по приказу, но неприятное воспоминание осталось на всю жизнь.

Бывший беспризорник не отличался высокой дисциплинированностью, да и фронтные сто грамм не способствовали этому. Безрассудство, подогретое водкой, частенько доводило до беды. В одном из освобожденных городов, «отметив» это дело, Михаила заело любопытство, на сколько сильно взрывается граната Ф-1, в простонародье «лимонка», в закрытом помещении.

Подумано – сделано, и граната летит в ближайший подвал, но по пьяни любознательный офицер не проверил пустой подвал или нет, оказалось – или нет. К счастью ни кто из людей не пострадал, и поэтому дело закончилось штрафбатом, а могли и расстрелять. В штрафбате Михаил пробыл не долго, очень скоро он отличился в бою и был восстановлен в звании. Но спокойно ему не жилось. Очередной освобожденный город. Опять отметили. В этом городе Михаил «разжился» у убитого фашистского офицера пистолетом «Парабеллум».

Нужно отметить, что Михаил был не равнодушен к стрелковому оружию, и всю жизнь, даже уже пользуясь очками, стрелял без промаха. Однажды, после войны, он гулял в лесу с девушкой, которая впоследствии стала его женой. На лесную опушку выползла змея – гадюка. Навскидку, одним выстрелом Михаил снес змее голову из трофейного пистолета.

Вот и в этот раз хорошая стрельба не подвела офицера. Спор о том, сможет ли Михаил попасть всю обойму в десятку, закончился его полным триумфом, арестом, судом и штрафбатом. Дело в том, что в том доме, на стене которого офицеры нарисовали мишень, жила пожилая женщина. В это позднее время она уже легла спать. «Парабеллум» мощный пистолет, поэтому он пробил стену с нарисованной мишенью и только благодаря тому, что все пули легли точно по центру мишени, они прошли выше и не задели спящую на кровати женщину.

Когда Михаил искупил вину кровью и выписался из госпиталя, обнаружилось, что утеряны все его документы, последняя запись была о том, что ему присвоено звание «младший техник лейтенант», а в штрафбат он попал уже старшим лейтенантом. Кроме этого пропали и все наградные документы, остались только упоминания о воинских частях, в которых он воевал, ранениях и пребывания в госпиталях и санбатах. Вот так в начале 1944 года Михаил Иванович начал свою военную карьеру почти заново.

Степной фронт был переименован во Второй Украинский, но в жизни солдат ни чего не поменялось. Михаил Иванович вспоминал, что наиболее тяжелыми для него и его солдат стали бои в Карпатах. Отсутствие железнодорожного сообщения, взвалило всю тяжесть снабжения войск на автомобилистов. Мощные «Студебекеры» перевозили самые тяжелые грузы, а именно снаряды для реактивных минометов. Михаил Иванович вспоминал, что не в одном сражении или наступлении его подразделение не несло таких потерь как в Карпатах. Самое обидное, что гибли не из-за бомбежек или обстрелов. Измотанные вконец водители просто засыпали за рулем, и если на равнине это было чревато просто съездом в кювет и самое страшное побитой, но ремонтируемой машиной, то на горной дороге – смерть.

После Карпат Михаил Иванович участвовал во взятии столицы союзников гитлеровцев - королевской Румынии – Бухареста.

Затем штурм и взятие Будапешта – столицы Венгрии, еще одних союзников фашистской Германии.

Во время штурма Будапешта один из водителей Михаила был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Колона везла топливо для танков,

когда в прилегающий к этой улице переулок выползли три фашистских танка «Тигр». Несколько первых машин успело проскочить мимо этого переулочка, но основная часть колонны оказалась перед угрозой уничтожения, машины шли на сокращенных дистанциях, так всегда поступали в сложных ситуациях. Поэтому было достаточно попасть в одну машину, взрывная волна докончила бы все остальное. Ситуация была критическая, Михаил находился в головной машине, которая уже проскочила мимо этого переулочка и ни как не мог повлиять на ход событий. Пока все - и немцы, и наши как бы замерли от неожиданной встречи, один из водителей отделился от колонны и направил свою машину, груженную танковым топливом, в лобовой таран на вражеский танк. Посередине переулочка вспыхнул огромный костер объявший вражеский «Тигр» и наш «Студер». Этим тараном герой-водитель не только подбил вражеский танк, не только спас жизни своим товарищам, но и спас топливо необходимое для дальнейшего наступления наших танков. Кроме этого подбитый «Тигр» загородил выезд из переулочка для двух других танков, а развернуться на узких улицах старого Будапешта для двух тяжелых «Тигров», задача не из легких.

Прибыв к танкистам, Михаил Иванович доложил о происшествии, когда, разгрузившись, колонна возвращалась назад, то уже все три вражеских танка горели в переулочке. К сожалению, я не помню, упоминал или нет мой отец фамилию этого героя.

Автобат продолжал свою боевую работу на дорогах войны, именно на этих дорогах подчиненные Михаила обнаружили автомобиль, как теперь сказали бы – представительского класса и теперь молодой лейтенант воевал с комфортом разъезжая на генеральском автомобиле. За эту машину один из командиров воинской части, с которой контактировал автобат Михаила по служебным обязанностям, предлагал две «эмки», притом одну из этих «эмок» перевезли бы по любому адресу в Советском Союзе, который указал бы Михаил Иванович. К тому времени родители Михаила, которые потеряли его след, когда он сбежал из приюта, уже нашли его через военкомат. Соблазн занять собственное авто на «гражданке» был очень велик, но молодецкий гонор взял верх и Михаил не отдал машину. Кончилось это тем, что Михаил Иванович нос к носу столкнулся, разъезжая на этой машине, с каким-то генералом из штаба фронта. Генерал даже онемел на время от наглости лейтенанта, он, генерал, ездил на «эмке», а какой-то лейтенант ездил на шикарном лимузине. Машину отобрали.

Там же, на дорогах Венгрии, по воспоминаниям Михаила Ивановича, случай в очередной раз помог разминуться ему со смертью. Батальон выполнял задачу по перевозке тылов армии. Что это была за часть, Михаил не упоминал. Командир части, майор, безапелляционно заявил, что он едет в головной машине. По инструкции в головной машине должен ехать командир автобата, то есть Михаил Иванович, но инструкция предусматривала исключения из правил, в этом случае командир автобата двигался в замыкающей машине. Михаил не стал спорить и сел в хвостовую

машину. При переезде через один из мостов головная машина подорвалась. Мост был заминирован вражескими диверсантами. Майор погиб.

Середина апреля 1945 года застала Михаила Ивановича в столице Австрии Вене. Это была очередная европейская столица, в штурме которой принимал участие двадцатиднолетний лейтенант. Чем ближе приближался Первомай, тем больше крепла уверенность Михаила и его друзей, что это была последняя столица, которую им пришлось освободить от фашистов. Бои уже шли в Берлине. Запах весны и Победы носился в воздухе. Михаил Иванович вспоминал, что это было ни с чем несравнимое ощущение. Семнадцатилетним, он начал войну в сорок первом, был дважды ранен, трижды контужен, хлебал войну полной ложкой все четыре года и вот все. Победа.

Но Михаил с друзьями ошибался. Не до конца была выпита чаша войны, не все европейские столицы «посмотрел» «путешественник» Миша. В конце апреля их подняли по тревоге и ускоренным маршем перебросили в Чехословакию. Впереди ждала Прага.

Ранним утром 9 мая 1945 года колонна «Студебекеров» под командованием техника лейтенанта Клапоусова, груженных снарядами и топливом ворвалась на улицы Праги сразу за советскими танками. Это было очень важно, так как топливо у танков хватало только до Праги, чтобы вести бои в городе боевые машины надо было дозаправить.

Михаил Иванович рассказывал, что взятие Праги Советскими войсками было полной неожиданностью для гитлеровцев. Было еще темно, когда его водители вместе с танкистами стали заправлять танки и доукомплектовывать боекомплекты, и танкисты и водители были в темных рабочих комбинезонах. Танки и грузовики, после многокилометрового боевого марша, были покрыты грязью и копотью, красных звезд видно не было. В городе – затемнение. В какой-то момент в одном из домов открылась дверь, это был ресторан для гитлеровских офицеров, и на улицу вывалилась пьяная толпа фашистов. Что-то галдя на немецком языке, абсолютно не обращая внимание на то, что происходит вокруг они направились куда-то вдоль по улице. Наши солдаты обалдели от такой наглости, но быстро оправались, выхватили автоматы из своих машин и арестовали вражеских офицеров. Те даже протрезвели от неожиданности, они ни как не могли взять в толк, откуда в Праге Красная Армия, ведь американцам было на много ближе до Праги, и именно американцев ждали гитлеровцы, чтобы им сдать.

Там же в Праге Михаил обратил внимание на расстрелянный, по-видимому, из башенного танкового пулемета, автомобиль Хорьх. Зная по опыту, что этой машиной пользуются высокопоставленные офицеры третьего Рейха, он приказал водителю остановиться и заглянул в машину. Водитель и пассажир, оба одетые в форму войск СС/СД были буквально разрезаны пулеметной очередью. Быстро прихватив личные документы убитых и какие-то ящики с бумагами, лежащими на заднем сиденье, они продолжили свой путь. Вечером, когда спала боевая запарка, Михаил нашел особиста и сдал ему бумаги. В званиях офицеров СС фронтовой офицер Советской армии не

очень хорошо разбирался, поэтому понятия не имел, кто попался ему на дороге, но 11 мая ему была объявлена благодарность от командующего фронта «за проявленную бдительность». Но лучше любой благодарности было для Михаила, что он прихватил у этого высокопоставленного эсесовца бельгийский браунинг Лонг 07, который имел сходство с нашим ТТ и находился на вооружение агентов абвера. Этот пистолет он не сдал даже тогда, когда вышел указ сдать все трофейное оружие.

Часть, в которой служил Михаил Иванович, продолжала участвовать в боевых действиях до 13 мая. Именно поэтому он говорил, что для него День Победы - 14 мая.

После войны старший техник лейтенант был некоторое время начальником штаба полка, а затем служил в гараже при штабе советских войск за границей. В 1947 году был удовлетворен его рапорт, и Михаил Иванович был уволен в запас. За годы войны старший техник лейтенант был дважды ранен и три раза контужен, одно ранение и одна контузия были тяжелыми. Михаил Иванович был неоднократно награжден орденами и медалями, получал благодарности от командующего фронта и командующего армии.

Родители Михаила, после голода на Украине, перебрались в Московскую область, в деревню, расположенную не далеко от станций Черная, горьковского направления, московской железной дороги. Первое, что сделал Михаил Иванович вернувшись домой, это нашел самый здоровый гвоздь в хозяйстве и приколотил к стене дома свои погоны, чтобы больше никогда в жизни не пришлось их снова одевать себе на плечи.

После войны Михаил Иванович стал строителем. Строил с «зеками» оросительные каналы в Средней Азии, плотины. Потом перебрался в Москву, долгое время работал в строительном цеху Московского шинного завода.

Умер Клапоусов Михаил Иванович в 1983 году, война и невоздержанная послевоенная жизнь дали себя знать.

Из архивов семьи Клапоусова Романа, 3 «б» класс